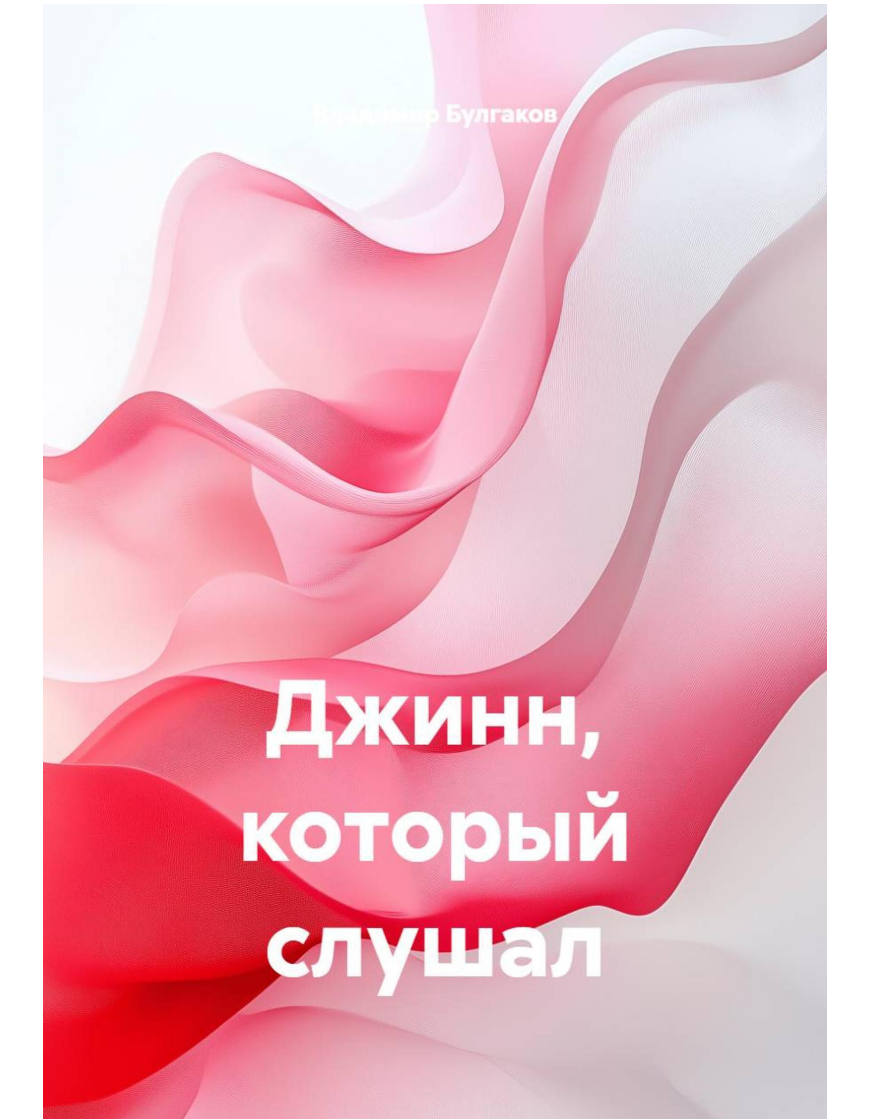

The background of the entire image is an abstract composition of flowing, wavy lines in various shades of red and pink. The colors transition from a pale, almost white pink at the top to a deep, vibrant red at the bottom. The waves create a sense of movement and depth, with some areas appearing more saturated than others.

Владимир Булгаков

Джинн, который слушал

Владимир Булгаков

Джинн, который слушал

<https://litres.ru/74439784>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что, если каждая фраза, сказанная ребёнку, — это семя? Что, если «не плачь», «ты ничего не добьёшься», «будь как все» — прорастают через двадцать лет? И не цветами, а сорняками?

Эта книга — не учебник по воспитанию. Это зеркало. Двадцать пять историй, в каждой из которых — два кадра: что сказали в детстве что получилось через тридцать лет. Никаких выводов. Никаких нотаций. Только факты, диалоги, сцены.

Старый библиотекарь Марк Иванович рассказывает истории женщине по имени Аня. Она боится становиться матерью. Она не знает, как говорить с ребёнком, чтобы не сделать больно. А он просто заваривает чай с мятой, включает зелёную лампу — и рассказывает.

Джинн, о котором идёт речь, не добрый и не злой. Он просто очень точный. Он исполняет не то, что ты имел в виду. А то, что ты сказал.

Для тех, кто вырос с фразами, которые до сих пор звучат в голове.

Для тех, кто боится повторить ошибки родителей.

Для тех, кто хочет научиться слушать — себя, своих детей,
свою жизнь.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ГЛАВА 1	7
ГЛАВА 2	12
ГЛАВА 3	18
ГЛАВА 4	23
ГЛАВА 5	29
ГЛАВА 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Владимир Булгаков

Джинн, который слушал

ПРЕДИСЛОВИЕ

Всё начинается не с воспитания. Всё начинается с того, что ты слышишь.

Голос. Первый. Самый громкий. Тот, который потом не выключается. Он входит в тебя раньше, чем ты научишься говорить. И остаётся — навсегда. Он говорит, что можно. Что нельзя. Кто ты. Кем тебе быть. Чего тебе хотеть.

И ты веришь. Потому что маленький. Потому что этот голос — весь мир.

Потом ты вырастаешь. Меняешь адреса, работы, лица вокруг. А голос — нет. Он сидит в затылке и диктует. Когда ты принимаешь решение. Когда выбираешь человека. Когда отказываешься от мечты. Когда смотришь в окно и видишь небо, которое тебе когда-то разрешили видеть.

В этих историях нет правильных слов. Нет рецептов. Есть только эхо.

Говорили одно — получилось другое. Хотели как лучше — вышло как точнее.

Джинн, о котором пойдёт речь, не умеет додумывать. Он понимает ровно то, что сказано. Без поправки на интонацию.

Без скидки на возраст. Без любви.

Он просто слушает.

И записывает.

ГЛАВА 1

«Не плачь»

Зелёная лампа на столе горела с пяти вечера. Марк Иванович всё сидел в своём кресле. Часы на стене тикали. Где-то за окном — за старыми клёнами — гудел редкий трамвай. Библиотека пахла бумагой, пылью и мятой.

Она появилась в дверях в четверть восьмого. Молодая, с пакетом, из которого что-то звенело, с уставшим лицом. Остановилась. Оглядела пустой зал. Увидела свет под зелёным абажуром и шагнула внутрь.

— Библиотека ещё работает? — спросила она тихо. Так, как будто боялась нарушить тишину.

Марк Иванович поднял глаза. Посмотрел вверх очков.

— Для вас — работает. Садитесь.

Она села в кресло напротив. Положила пакет на пол. Сняла пальто, но не повесила, а скомкала на коленях.

— Я просто хотела посидеть, — сказала она. Помолчала. — У меня скоро свадьба. А я не могу. Всё это... подготовка, гости, платья... Я как будто не про это думаю.

— А про что вы думаете?

Она смотрела в стол. На зелёный свет. На пар, который поднимался от кружки.

— Про детей. Я хочу ребёнка. Но я боюсь. Я не знаю, как

говорить с ним. Как не сделать больно.

Марк Иванович подвинул к ней чашку. Мятный чай. Тёмный, почти прозрачный.

— Хотите, я расскажу вам одну историю? — спросил он. Негромко. Как будто не спрашивал, а просто произнёс.

Она кивнула.

Мальчику пять лет. Двор. Асфальт, нагретый солнцем. Велосипед — красный, с большим передним колесом и маленьким задним. Совсем новый. Рядом — мама. Сидит на лавочке, смотрит в телефон.

Он падает.

Колено разодрано. Пыль прилипла к ссадине. Кровь смешалась с грязью. Боль — острая, сосущая. И он плачет. Громко. Свободно. Так, как умеют плакать только в детстве — не стесняясь, не сдерживаясь, всем телом.

Мама подходит. Смотрит сверху вниз. В глазах — усталость. Или раздражение. Или просто — она устала от слёз. Третий раз за неделю.

— Мужчины не плачут, — говорит она. — Встань и иди дальше. Ты же большой.

Он вытирает лицо рукавом. Пыль — на щеках. Слёзы — смешались с пылью. Он встаёт. Берёт велосипед за руль. Идёт дальше. Не оглядывается.

Она возвращается на лавочку.

Солнце так же печёт. Асфальт так же горячий.

Прошло сорок лет.

Ему сорок пять. Он стоит у гроба.

В зале — венки. Свечи. Запах цветов и ладана. Люди подходят, пожимают руку, говорят что-то тихое. Он отвечает: «Спасибо». Кивает. Лицо — спокойное.

Жена рядом. Смотрит на него искоса. Она знает его двадцать лет. И за двадцать лет ни разу не видела его слёз.

Не было слёз, когда умерла его собака. Не было, когда он потерял работу. Не было, когда она сказала ему про выкидыш. Он тогда сидел на кухне и пил чай. Молча. Долго.

Сейчас она смотрит на его лицо. Оно ровное.

Подруга подходит к ней. Касается плеча. Шепчет:

— Он такой чёрствый. Даже на маминых похоронах не проронил ни слезинки.

Жена молчит. Она хочет сказать что-то в защиту. Но не знает что.

Он стоит. Смотрит на гроб. И ничего не чувствует.

Зелёная лампа горит.

Аня сидит, сжимая чашку так, что костяшки побелели. Она смотрит в одну точку — на тень, которую отбрасывает абажур.

— Это жестоко, — говорит она. Голос дрожит.

— Это точно, — отвечает Марк Иванович.

Он наливает себе чай. Медленно. Не торопясь.

— Она не хотела сделать ему больно, — продолжает Аня.

— Она просто... она не знала, как по-другому.

— Я не спорю.

Аня ставит чашку на стол. Руки трясутся.

— У меня тоже так было, — говорит она. — Мне говорили: «Не реви, ты же девочка, а не нытик». Я перестала плакать. А теперь я не могу плакать даже когда хочу. Горло сжимается. И всё.

Марк Иванович смотрит на неё.

— Джинн слушает, — говорит он тихо.

Аня отворачивается к окну. За ним уже темно. Только фонари горят жёлтым.

— Я не хочу так со своей дочерью, — говорит она. — Если у меня будет дочь.

— Тогда слушайте, что вы говорите, — отвечает он.

Он встаёт, поправляет абажур. Зелёный свет становится мягче.

— Завтра, если хотите, я расскажу вам другую историю.

Аня кивает.

— Хочу.

Она берёт пальто. Идёт к выходу. У самой двери останавливается.

— Спасибо, — говорит она.

— Не мне, — отвечает Марк Иванович. — Себе.

Дверь закрывается. Тишина. Слышно, как тикают часы.

Марк Иванович смотрит на пустое кресло. Потом на остывшую чашку Ани.

Потом наливает себе ещё одну.

Зелёная лампа горит.

Чай остывает.

Джинн слушает.

ГЛАВА 2

«Расскажи мне»

Зелёная лампа горела ровно. Марк Иванович сидел в своём кресле и перелистывал книгу. Не читал — перелистывал. Проводил пальцем по страницам, будто вспоминал, что здесь написано.

Аня пришла на следующий день. В то же время. С тем же пакетом. Села в то же кресло.

Марк Иванович посмотрел на неё поверх очков.

— Вы пришли.

— Я пришла, — сказала она. — Я всю ночь думала о том мальчике.

— О котором?

— О котором вы рассказали. Который не плакал.

Марк Иванович подвинул ей чашку. Мятный чай. Тёмный. Горячий.

— Думали о нём. А о себе?

Аня помолчала.

— Тоже.

Она взяла чашку. Поддержала в руках.

— Вчера я сказала, что не умею плакать. Это правда. Но я не знала, что это связано. Я думала, я просто такая.

— Какая?

— Не знаю. Сухая. Собранная.

Марк Иванович кивнул. Ничего не сказал.

Аня смотрела в чашку. Пар поднимался.

— А бывает по-другому? — спросила она. — Чтобы слова работали не как... не как нож?

Марк Иванович отложил книгу.

— Хотите, я расскажу вам другую историю? — спросил он.

Она кивнула.

Девочке семь лет. Она сидит на подоконнике. Смотрит в окно. За окном — дождь.

Родители разводятся. Она слышала, как они кричали ночью. Она не спала. Притворялась. Теперь она сидит на подоконнике и смотрит на дождь.

Отец входит в комнату. Он не звонит, не пишет, никуда не спешит. Он садится рядом. На подоконник.

Дождь стучит по стеклу. Слышно, как капли скатываются вниз.

— Расскажи мне всё, — говорит он.

Она молчит.

— Я никуда не спешу, — говорит он. — Мы можем сидеть здесь хоть весь день.

Она поворачивает голову. Смотрит на него.

— Ты уйдёшь?

— Да, — говорит он. — Но не сейчас. Сейчас я здесь.

Она молчит.

Потом начинает говорить.

Она говорит о том, что слышала ночью. О том, что боится. О том, что папа не будет с ними жить. О том, что она не понимает, почему. О том, что ей страшно.

Он слушает. Не перебивает. Не говорит «всё будет хорошо». Не говорит «не плачь».

Просто слушает.

Она говорит долго. Полчаса. Может, больше. Потом замолкает.

— Спасибо, что рассказала, — говорит он. — Это важно.

Она кивает.

Он гладит её по голове.

— Я всегда буду слушать. Даже если буду далеко. Ты можешь звонить в любое время.

Она кивает.

Дождь за окном идёт. Но теперь не так страшно.

Прошло двадцать восемь лет.

Ей тридцать пять. Она сидит в кабинете. На столе — телефон. Только что звонил начальник. Сказал, что её проект не прошёл. Что они ищут другое решение. Что ей лучше подумать о смене направления.

Она сидит и смотрит в стену.

Потом берёт телефон. Нажимает на номер. Долгие гудки.

— Алло? — голос в трубке. Старый. С хрипотцой.

— Пап, — говорит она. — Я не знаю, что делать.

Пауза.

— Расскажи мне всё, — говорит он. — Я никуда не спешу.

Она рассказывает. О проекте. О начальнике. О том, что думает, что она ни на что не способна. О том, что стыдно.

Он слушает. Не перебивает.

Когда она замолкает, он говорит:

— Ты справишься. Ты всегда справлялась. Но если не справишься — тоже ничего. Я здесь.

Она молчит. Потом говорит:

— Спасибо, пап.

— Не за что, — говорит он. — Звони в любое время.

Она кладёт трубку. Выдыхает.

Вечером она приходит домой. Её дочь сидит на подоконнике. Смотрит в окно. Ей семь лет. Она расстроена. В школе что-то случилось.

Она садится рядом. На подоконник.

— Расскажи мне всё, — говорит она. — Я никуда не спешу.

Дочь поворачивает голову. Смотрит на неё.

— Ты будешь слушать?

— Буду.

Дочь начинает говорить.

Зелёная лампа горит.

Аня сидит неподвижно. Чашка в руках остыла. Она смотрит на Марка Ивановича

— Она не боялась, что её прервут, — говорит Аня. — Она знала, что её услышат.

— Да, — говорит Марк Иванович.

— А я не знаю, что это такое. Чтобы меня слушали. По-настоящему.

Марк Иванович молчит.

Аня ставит чашку на стол.

— Я хочу научиться слушать. Чтобы моя дочь могла прийти и рассказать мне всё.

— Хотите — научитесь.

— А если я не умею?

Марк Иванович наливает себе чай. Медленно. Горячая вода льётся в чашку.

— Сначала — молчать. Не говорить. Не советовать. Не успокаивать. Просто быть рядом. Это самое трудное.

Аня смотрит на него.

— Молчать?

— Молчать. Слушать. Джинн слушает. И вы слушайте.

Он отодвигает чашку. Смотрит на неё.

— Завтра, если хотите, я расскажу вам следующую историю.

Аня кивает.

— Я приду.

Она встаёт. Идёт к выходу. Останавливается.

— Как её звали? Девочку?

Марк Иванович смотрит на неё.

— Не помню. Может, её звали так же, как вас.

Аня замирает.

Потом выходит.

Дверь закрывается.

Зелёная лампа горит.

Чай остывает.

ГЛАВА 3

«Ты всё испортишь»

Аня пришла ровно в восемь. Марк Иванович уже сидел за столом. Рядом с лампой стояла новая чашка. Для неё.

Она села. Сняла пальто. Не скомкала — повесила на спинку стула.

— Я вчера не спала, — сказала она. — Думала о том, что вы сказали. Про молчание.

— И что надумали?

— Ничего. Я не умею молчать. Когда кто-то говорит, я сразу хочу ответить. Посоветовать. Сказать, что всё будет хорошо.

— Это трудно, — сказал Марк Иванович. — Самому трудному учатся дольше всего.

— Как?

— Слушать себя. Когда вы хотите что-то сказать — остановитесь. Подумайте. Зачем вы это говорите? Чтобы помочь или чтобы заполнить тишину?

Аня молчит. Смотрит на чай.

— Я не знаю.

— Вы узнаете, — сказал Марк Иванович. — Хотите, я расскажу вам ещё одну историю?

Мальчику десять лет. Он стоит на кухне. Рядом — отец.

Они пытаются починить кран. На кухне — вода. Она течёт из-под раковины. Отец ругается. Что-то не получается.

Мальчик хочет помочь. Он тянется к гаечному ключу.
— Дай я попробую, — говорит он.

Отец поворачивается. Смотрит на него. Раздражённо.
— Не лезь, — говорит он. — Ты всё испортишь.

Мальчик отодвигается. Отец продолжает копать под раковиной. Вода всё течёт.

Мальчик стоит рядом. Смотрит. Молчит.
Потом уходит.

Он идёт в свою комнату. Садится на кровать. Смотрит в стену.

Он хотел помочь. Он хотел быть полезным. Ему сказали, что он всё испортит.

Он запоминает.

Прошло тридцать лет.

Ему сорок. Он уже взрослый. У него своя квартира. Свой кран. Который течёт. Третий месяц.

Жена говорит:

— Надо вызвать сантехника.

— Сам сделаю, — говорит он.

Он идёт на кухню. Открывает ящик. Берёт гаечный ключ.
Смотрит на кран.

Стоит. Держит ключ в руках. Не двигается.

Жена заходит на кухню.

— Ну что?

— Сейчас, — говорит он. — Я просто думаю.

Он не думает. Он боится. Стоит и смотрит на кран. Вспоминает, как отец сказал: «Ты всё испортишь».

Проходит час. Два. Он не прикасается к крану.

Жена заходит снова.

— Что ты делаешь?

— Ничего.

— Так вызови сантехника.

— Сам сделаю.

Он не делает. Стоит и смотрит.

Жена вздыхает. Уходит.

На кухне тихо. Слышно только, как капает вода. Кап. Кап. Кап.

Каждый раз, когда он хочет начать, он слышит голос отца: «Не лезь, ты всё испортишь».

Он не лезет.

Через неделю приходит сантехник. Чинит кран за пятнадцать минут. Мужчина сидит в гостиной. Смотрит в стену.

Входит сын. Ему десять лет. Он держит молоток.

— Пап, я хочу помочь сантехнику, — говорит он.

Отец поднимает голову. Смотрит на сына. Видит молоток. Видит глаза. Такие же, как у него самого тридцать лет назад.

Он хочет сказать: «Не лезь, ты всё испортишь».

Он открывает рот.

Останавливается.

Молчит.

Потом говорит:

— Давай я покажу тебе, как держать молоток. А ты посмотришь. А потом, может быть, попробуешь сам. Когда будешь готов.

Сын улыбается.

Отец берёт его за руку. Они идут на кухню. К сантехнику. Вода больше не капает.

Зелёная лампа горит.

Аня сидит и смотрит на Марка Ивановича. Глаза влажные.

— Он остановился, — говорит она. — Он не сказал то же самое.

— Остановился, — говорит Марк Иванович.

— Но ведь он вырос с этим. С этим голосом. Что он всё испортит. Как он смог остановиться?

Марк Иванович наливает ей чай.

— Не знаю, — говорит он. — Может быть, он устал слышать этот голос. Может быть, он вспомнил, каково это — быть тем мальчиком. Может быть, он просто сделал паузу. И услышал, что говорит.

Аня смотрит в чашку.

— А если бы он не остановился?

— Тогда его сын тоже стоял бы у крана. Через тридцать лет. И не мог бы починить.

Аня молчит.

— Это страшно, — говорит она. — Я не хочу передавать

дальше.

— Тогда слушайте, что вы говорите, — говорит он. — Каждый раз. Даже когда кажется, что это мелочь. Особенно когда кажется, что это мелочь.

Аня отворачивается к окну. За окном — старый клён. Листья начинают желтеть.

— Я хочу остановиться, — говорит она. — Как тот отец. Услышать себя. И не сказать то, что скажут мои дети потом.

— Это просто, — говорит Марк Иванович. — И это трудно. Это самая простая и самая трудная вещь на свете.

— Как?

— Сделать паузу. Вдохнуть. И спросить себя: зачем я это говорю?

Аня молчит.

Потом встаёт.

— Я приду завтра.

— Я буду здесь, — говорит Марк Иванович.

Она идёт к выходу. Останавливается у двери.

— Он остановился, — говорит она. — Я тоже остановлюсь.

Выходит.

Дверь закрывается.

Зелёная лампа горит.

Чай остывает.

Джинн слушает.

ГЛАВА 4

«Давай посмотрим, что здесь можно сделать»

Зелёная лампа горела ровным светом.

Марк Иванович сидел за столом. Перед ним — чашка с мятным чаем. Пар поднимался медленно, сворачивался в кольца и таял в воздухе.

Аня пришла раньше обычного.

Сняла пальто. Повесила на спинку стула. Села. Взяла чашку, которую он уже налил. Поддержала в руках. Поставила обратно.

— Я вчера попробовала, — сказала она.

— Что попробовали?

— Молчать.

Марк Иванович поднял брови. Ничего не сказал.

— Жених рассказывал про работу, — продолжала Аня.
— Он был расстроен. Я хотела сказать: «Всё будет хорошо. Найдёшь другую работу». Я уже открыла рот. И вспомнила вас.

— И что?

— Я закрыла рот. Просто слушала. Это было трудно. Очень трудно. Я чувствовала, как слова распирают меня изнутри.

— И что потом?

— Потом он замолчал. Я спросила: «Что ты чувствуешь?» Он удивился. Сказал, что я никогда раньше не спрашивала. Мы проговорили два часа. Два часа! А я почти ничего не говорила. Только слушала.

Аня посмотрела на Марка Ивановича. В глазах — удивление. Как будто она открыла что-то новое.

— Это так просто, — сказала она.

— Просто, — согласился Марк Иванович. — Но не легко. Он налил себе чай. Помолчал.

— Хотите, я расскажу вам ещё одну историю?

Аня кивнула.

Девочке шесть лет. Она сидит за столом. Перед ней — лист бумаги. Цветные карандаши.

Она рисует дом.

Дом получается кривой. Стены — неровные. Крыша — съехала вбок. Окна — разных размеров.

Девочка смотрит на рисунок. Потом отодвигает его от себя. Кривит губы.

— У меня не получается, — говорит она.

Мать сидит рядом. Она не смотрит в телефон. Не уходит на кухню. Она сидит рядом и смотрит на рисунок.

— Давай посмотрим, что здесь можно сделать, — говорит мать.

Она берёт карандаш. Не перерисовывает. Не поправляет. Просто кладёт его рядом.

— А если линию чуть ровнее? — спрашивает она. — Вот здесь. Смотри.

Девочка берёт карандаш. Проводит линию. Получается криво. Она смотрит на мать.

— А если вот так? — говорит мать. — Медленнее. Не торопясь.

Девочка пробует. Снова. Ещё раз. Линия становится ровнее. Не идеально. Но лучше.

— Смотри, — говорит она. — У меня получается!
Мать улыбается.

— Давай посмотрим, что ещё можно сделать, — говорит она. — А если крышу чуть ниже? И окна — одинакового размера?

Девочка рисует. Стирает. Рисует заново. Мать сидит рядом.

Через час дом готов. Кривой. Неровный. Но красивый. Девочка смотрит на него. Глаза горят.

— Я сама сделала, — говорит она.

— Ты сама, — говорит мать. — Я только сидела рядом.

Девочка обнимает её.

Прошло тридцать два года.

Ей тридцать восемь. Она — архитектор. Строит дома.

Настоящие. Из бетона и стекла. С чертежами, сметами, проектами.

Она сидит в своём кабинете. Перед ней — макет. Многоэтажный дом. Сложный, с изогнутыми линиями, с нестан-

дартными решениями. Она работает над ним уже месяц.

Входит дочь. Ей шесть лет. Она держит лист бумаги. Цветные карандаши. Подходит к столу.

— Мам, я нарисовала дом, — говорит она.

Кладёт рисунок на стол.

Дом кривой. Стены неровные. Крыша съехала. Окна — разных размеров.

Архитектор смотрит на рисунок. Потом на дочь.

— Красивый дом, — говорит она. — А давай посмотрим, что здесь можно сделать?

Она садится рядом с дочерью. Берёт карандаш. Кладёт рядом.

— А если линию чуть ровнее? — спрашивает она. — Вот здесь.

Дочь берёт карандаш. Пробует. Стирает. Рисует снова.

Архитектор сидит рядом.

Не говорит: «Попробуй ещё раз». Не говорит: «Не страшно, если не получится». Не говорит: «Ты справишься».

Она говорит: «Давай посмотрим».

Дочь рисует. Улыбается.

Через час дом готов. Кривой. Неровный. Но красивый.

— Я сама сделала, — говорит дочь.

Архитектор смотрит на рисунок. Потом на свой макет.

— Мы обе строим дома, — говорит она. — Только у тебя — из бумаги, а у меня — из бетона. Но мы обе строим.

Дочь обнимает её.

Зелёная лампа горит.

Аня сидит неподвижно. Смотрит на лампу. Зелёный свет — на её лице.

— Она не сказала: «Ничего страшного», — говорит Аня.

— Нет, — говорит Марк Иванович.

— Она не сказала: «Ты справишься».

— Нет.

Она сказала: «Давай посмотрим». Вместе.

Марк Иванович кивает.

— Это про другое, — говорит Аня. — Про исследование. Про то, что можно искать решение. Не одной. Вдвоём.

— Да.

Аня берёт чашку. Делает глоток. Чай остыл. Она не замечает.

— Моя мать никогда так не говорила, — говорит она. — Она говорила: «Ну что ты, как маленькая? Возьми и сделай. Не можешь — не берись».

— И вы не брались?

— Не бралась. Я научилась не браться за то, что не умею. Я до сих пор так делаю. Если не уверена — не пробую.

Марк Иванович молчит.

— А если бы она сказала: «Давай посмотрим»? — спрашивает Аня. — Как та мать?

— Тогда вы бы смотрели. Вместе. Не боялись.

Аня смотрит в окно. Там — старый клён.

— Я хочу научиться говорить так, — говорит она. — Что-

бы моя дочь не боялась пробовать.

— Учитесь, — говорит Марк Иванович. — Для этого не нужно много слов. Нужно сесть рядом. И посмотреть вместе.

Аня встаёт. Идёт к выходу. Останавливается.

— Я приду завтра, — говорит она.

— Я буду здесь, — отвечает он.

Дверь закрывается. Слышно, как скрипнула половица.

Марк Иванович смотрит на пустое кресло.

Потом на остывшую чашку Ани.

Наливает себе чай.

Зелёная лампа горит.

Джинн слушает.

ГЛАВА 5

«Море и гора»

Аня пришла на следующий день.

Села. Положила на стол листок. Сложенный пополам. Марк Иванович посмотрел на листок. Ничего не спросил.

— Я начала писать письмо, — сказала Аня. — Той, которой ещё нет. Моей дочери.

— И как оно пишется?

— Трудно. Я не знаю, что ей сказать. Каждое слово кажется неправильным.

Она взяла чашку. Отпила глоток.

— Вчерашняя история, — сказала она. — Та, про девочку и мать. Она про то, как говорить правильно.

— Да, — сказал Марк Иванович.

— А бывает, что правильно говоришь, а выходит всё равно неправильно?

Марк Иванович посмотрел на неё поверх очков.

— Бывает, — сказал он. — Джинн слушает буквально. Даже когда вы говорите правильно.

Он помолчал.

— Хотите историю?

— Хочу, — сказала Аня.

Она отодвинула чашку. Положила руки на стол. Пригото-

вилась слушать.

Мальчику десять лет.

Он сидит в своей комнате. На полу — раскрытая книга. Книга про путешественников. Про море. Про горы.

Он читает. Глаза бегают по строчкам. Он представляет. Синие волны. Белые чайки. Скалы. Солнце.

Он закрывает книгу. Садится на подоконник. Смотрит в окно. За окном — двор. Серый. Бетонный. Другие дома.

Он говорит вслух. Себе. Тихим голосом.

— Хочу море. Хочу горы. Хочу жить там.

Он не знает, что Джинн слушает. Он просто говорит. Мечтает. Как все дети.

Он представляет дом. Большой. С окнами на море. Утром просыпаешься — и видишь воду. И горы на горизонте.

Он хочет этого. По-настоящему. Всем телом. Всей душой.

Он говорит это вслух. Ещё раз. Громче.

— Хочу море и горы.

Джинн записывает.

Прошло двадцать пять лет.

Мужчина тридцать пять лет. Он живёт в элитном районе. Квартира — на последнем этаже. Дорогая. Просторная.

Он любит свою квартиру. Она светлая. Уютная. Он сам её выбирал. Долго искал.

Из одного окна — водохранилище. Огромное. Голубое. Местные называют его морем. Он сам так называет. Он смотрит на воду. Успокаивается.

Из другого окна — мусорный полигон. Свалка. Огромные горы отходов. Когда ветер — запах. Он закрывает окно. Не смотрит.

Но смотрит иногда. И видит горы. Мусорные горы.

Он сидит в своей квартире. Смотрит то в одно окно. То в другое.

Море и горы. Буквально.

Он не понимает, почему так вышло. Он хотел дом у моря. Частный. С видом на воду. На скалы.

А получил квартиру. С видом на водохранилище и свалку.

Он смотрит на мусорный полигон. Думает.

Вспоминает себя — мальчика. На подоконнике. С книгой.

Он сказал: «Хочу море и горы». Он не сказал «частный дом». Не сказал «чистые горы». Не сказал «где-нибудь в другом месте».

Он просто сказал: «Море и горы».

Джинн исполнил.

Аккуратно. Буквально.

Море — есть. Горы — есть. А дом — есть. Только не тот.

Он сидит и смотрит на мусорный полигон. И не знает, что делать.

Зелёная лампа горит.

Аня смотрит на Марка Ивановича. Молчит. Долго.

— Он не имел в виду свалку, — говорит она.

— Конечно, не имел.

— Он хотел дом. Красивый. У моря. У настоящих гор.

— Он хотел, — говорит Марк Иванович. — Но сказал — море и горы.

Аня смотрит в чашку. Потом — на зелёную лампу.

— Это жестоко, — говорит она.

— Это точно, — говорит Марк Иванович.

— Он ведь не специально. Он был ребёнком. Он просто мечтал.

— Мечтал, — соглашается Марк Иванович. — И получил. Только не то, что имел в виду.

Аня встаёт. Подходит к окну. Смотрит на старый клён. Листья желтеют. Качаются на ветру.

— Я тоже так говорила, — говорит она. — Я мечтала. И получала не то. Я думала, это судьба. Или совпадения.

Она оборачивается.

— А это была точность.

Марк Иванович кивает.

— Джинн слушает, — говорит он. — Слушает всегда. Даже когда вы говорите «хочу». Особенно — когда говорите «хочу».

Аня садится обратно. Берёт чашку. Чай остыл.

— Что же мне делать? — спрашивает она. — Как говорить, чтобы Джинн понимал правильно?

Марк Иванович смотрит на неё. Медленно наливает себе чай. Пар поднимается над чашкой.

— Начните с того, — говорит он, — чтобы услышать, что

вы говорите. Сейчас. В эту минуту. Не завтра. Не когда родится дочь. А сейчас.

Аня смотрит на него.

— А как же тот мужчина? — спрашивает она. — Тот, у которого из окна — свалка. Он сможет что-то изменить?

Марк Иванович ставит чашку на стол. Смотрит на зелёную лампу. Свет падает на его лицо, на старые руки.

— Это долгая история, — говорит он. — Приходите завтра. Я расскажу, что было дальше.

Аня смотрит на него. Кивает.

— Я приду.

Она встаёт. Идёт к выходу.

Останавливается у двери.

— Море и горы, — говорит она тихо. — Я тоже так говорила. Только я не знала.

Она выходит.

Дверь закрывается.

Марк Иванович сидит один.

Зелёная лампа горит.

Часы тикают.

Чай остывает.

Джинн слушает.

ГЛАВА 6

«Ты умнее всех»

Аня пришла раньше обычного. В руках — тот же сложенный листок. Она положила его на стол, но не убрала в сумку.

— Я всё думала о том мужчине, — сказала она. — О том, у которого из окна — свалка.

— Думали?

— Да. Мне кажется, я понимаю, что он чувствует. Когда хочешь одного, а получаешь другое. И не понимаешь, где ошибся.

Марк Иванович кивнул. Налил ей чай.

— Сегодня я хочу рассказать другую историю, — сказал он. — Тоже про точность. Но там всё иначе.

— Как иначе?

— Там человек получил то, что хотел. Но тоже не то, что имел в виду.

Аня взяла чашку. Устроилась в кресле.

— Рассказывайте.

Мальчику двенадцать лет.

Он приносит из школы пятёрку. Не простую, а по математике. Контрольная. Самая сложная в году. Только он один справился.

Он входит в комнату. Размахивает тетрадкой.

— Мам! Пап! Смотрите!

Отец берёт тетрадь. Смотрит. Улыбается.

— Молодец, — говорит он. — Ты у нас гений. Самый умный. Лучше всех.

Мальчик сияет. Ему приятно. Он старался. Он хотел, чтобы родители гордились.

Отец говорит дальше:

— Ты умнее всех в классе. Ты это знаешь? Ты особенный. У тебя талант. Ты далеко пойдёшь.

Мальчик кивает. Верит.

Отец гладит его по голове.

— Ты гений, сын. Запомни это.

Мальчик запоминает.

Прошло двадцать три года.

Ему тридцать пять. Он работает в крупной компании. Хорошая должность. Приличная зарплата. Кабинет с видом на город.

Он сидит на совещании.

Начальник предлагает новый проект. Сложный. Нестандартный. Нужно придумать решение. Что-то новое. Не как у всех.

— У кого есть идеи? — спрашивает начальник.

Он молчит. У него есть идея. Хорошая. Он придумал её ещё ночью. Думал. Ворочался. Записал на салфетке.

Он хочет сказать. Открывает рот.

И останавливается.

А вдруг она глупая? Вдруг он ошибся? Вдруг он не гений? Вдруг тогда, в детстве, он просто случайно решил ту контрольную? Вдруг теперь все узнают, что он — обычный? Что он не особенный?

Он не говорит.

Начальник спрашивает снова.

— Никто не хочет предложить?

Он молчит.

Другой коллега поднимает руку. Говорит. Идея — средняя. Но он говорит.

Начальник кивает.

— Неплохо. Доработайте.

Совещание заканчивается.

Он сидит в своём кабинете. Смотрит на салфетку со своей идеей. Хорошая идея. Он знает, что она хорошая. Но он не сказал.

Вдруг он не гений?

Лучше не рисковать.

Он комкает салфетку. Бросает в корзину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.